

РЕЦЕНЗИЯ

Открывая «черный ящик» системы peer-review

Рецензия на книгу: Lamont M. *How professors think: Inside the Curious World of Academic Judgement*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2009¹

Академический мир подобен церкви, где ученые веруют в непогрешимость и чистоту мотивов друг друга в предприятии по поиску истины. При всей относительности данного утверждения оно представляется убедительным в тот момент, когда в центре внимания находятся механизмы поддержки и стимулирования научной деятельности. Эту точку зрения разделяет автор книги “How professors think: Inside the Curious World of Academic Judgement” Мишель Ламонт. Определенно, есть какая-то сакрализация в том, что ученые представляют рукописи статей и proposals исследовательских заявок на суд коллегам в надежде получить от них справедливую оценку. Но как устанавливается справедливость? На этот вопрос пытается ответить автор.

Работа представляет собой результат большого эмпирического исследования, посвященного «культурам оценивания» заявок на получения гранта (Lamont, 2009: 4). Автор собрала 81 интервью с экспертами научных фондов США: American Council for Learned Societies, the Social Science Research Council и др., чтобы открыть «черный ящик» системы peer-review и показать, как устроена механика ее работы.

Ламонт вводит несколько аксиоматических допущений. Во-первых, «система peer-review легитимна, потому что ученые разделяют между собой веру в свою способность определить, кто является успешным в поле науки и коллегиально достигнуть консенсуса по этому поводу» (Lamont, 2009: 55). Однако вера — феномен непостоянный. Жизнеспособность ему придает система стандартизированных правил, на которые полагаются эксперты при вынесении суждений о заявке. Это усиливает веру заявителей в то, что «все proposals имеют одинаковый шанс получить

¹ Рецензия выполнена в рамках работы, проведенной Центром социологических исследований РАНХиГС при Президенте РФ в 2015 году по теме «Социология академического мира: реинституционализация отношений власти и знания».

финансирование» (Lamont, 2009: 120). Значение сакральности и рационализации правил оценивания, в качестве отличительных признаков системы реер-ревью научных фондов в США, автор определяет исходя из концептуализаций социального порядка Э. Дюркгейма и М. Вебера. Так же как аборигены в Австралии коллективно производят солидарность к своему племени во время свершения ритуалов, эксперты научных фондов в процессе оценивания заявки испытывают причастность к научному сообществу, что сдерживает их от формулирования несправедливого решения. Веберовская оптика, со своей стороны, позволяет автору рассмотреть обсуждение заявок экспертами (panelists) как методически упорядоченный процесс, сродни тому, который Вебер идеалистически различал в бюрократической системе Германии.

Второе допущение предлагает рассматривать переговоры экспертов о качестве заявок из интеракционистской перспективы в ее гофмановской версии: «мой анализ показывает важность рассмотрения Я и эмоций — в частности, удовольствия, сохранения лица и поддержания самооценки — как часть инвестиции, которую академики вкладывают в научную оценку» (Lamont, 2009: 20). Во многом акцент на специфике взаимодействия экспертов — это то, что отличает работу Ламонт от традиции изучения институциональной организации академического мира Р. Мертона и исследований структуры поля науки П. Бурдьё. Микросоциологический фокус позволяет Ламонт увидеть, как на самом деле эксперты приходят к решению поддержать исследовательскую заявку на грант.

Согласно данным интервью, во время заседания панели для многих информантов важно то, как они будут выглядеть в глазах коллег. Поддержание статуса эксперта требует обладания определенными качествами, как то: готовность обсуждать заявку; интеллектуальная глубина; краткость изложения; способность выходить за пределы дисциплинарных границ; уважение к мнению коллег (Lamont, 2009: 112–116). Их наличие придает обсуждению конструктивный и демократичный характер. Большинство экспертов, считает автор, озабочены тем, как они выглядят на фоне остальных. Если они перебивают выступление коллег или, наоборот, говорят слишком много, демонстрируют поверхностность в своей оценке заявки, то высока вероятность того, что их мнение при вынесении окончательного решения будет проигнорировано. Чтобы этого не произошло, экспертам необходимо давать содержательные комментарии о качестве заявки, ее значимости для науки и внешних к ней институциональных сред, о теоретическом языке, который планируется использовать в исследовании, методологии и способах сбора эмпирических данных. Как правило, в этом месте большинство экспертов расходятся в своих оценках: «смыслы и вес, придаваемые формальному разнообразию и неформальному критерию оценивания, ограничивают и ориентируют процесс, но, в конечном счете, обоснованные суждения сталкиваются с непредсказуемыми человеческими склонностями, действиями и импровизацией» (Lamont, 2009: 200). Этим выводом автор, по сути, прямо говорит, что при всей формализации процедуры реер-ревью компонент произвольности или субъективности оценивания неизбежен.

Для Ламонт изучение проблемы личной предрасположенности эксперта высоко оценивать заявку, в первую очередь, связано не с институциональной позицией заявителя, гендером или эффектом Матфея (хотя эти темы также поднимаются в работе), а с эпистемологическими и дисциплинарными различиями, которые существуют между экспертами. Применительно к системе реер-ревью научных фон-

дов на эти аспекты впервые обратили внимание Трэвис и Коллинз, артикулировав феномен «когнитивного кронизма». Ламонт идет дальше представителей Бадской школы. Собранный эмпирический материал дает ей возможность различить и эксплицировать существующие эпистемологические стили оценивания: «предпочтения насчет конкретных способов понимания формирования знания, а также верования в саму возможность доказательства <...> теорий». Речь идет о четырех модусах, в которых выстраивается аргументация экспертов поддержать или отклонить заявку. Эксперты-позитивисты отдают предпочтение заявкам, где внятно сформулированы гипотезы и предлагаются варианты генерализации полученных данных; сторонники всестороннего стиля (comprehensive style) руководствуются веберовскими мотивами и ценят внимание заявителя к деталям; для утилитаристов имеет значение полезность будущих результатов исследований для внешних от науки институциональных сред; наконец, конструктивистский стиль обязывает экспертов уделять внимание рефлексивности заявителя тех проблем, что он собирается изучать (Lamont, 2009: 57–58).

Помимо эпистемологических различий, каждый эксперт является носителем определенной дисциплинарной культуры: «набор конвенций, влияющих на то, как дисциплины определяют высокое качество и распознают его» (Lamont, 2009: 55). Автор подробно описывает дисциплинарную культуру философов, специалистов по английской литературе, историков, антропологов, представителей political science и экономистов. В результате она приходит к самому важному, на наш взгляд, выводу работы: формируемые отношения между экспертами во время работы панели, по большей части, основываются как на разделяемых «вкусах», влияющих на результат, так и на эпистемологических и культурных сходствах и различиях между полями, которые представляют эксперты (Lamont, 2009: 246). Иными словами, на междисциплинарных панелях возникают большие разногласия насчет актуальности проблематики, оригинальности и теоретико-методологических решений заявки. Экономистам, чья дисциплинарная культура характеризуется приоритетом количественных методов, претит поддерживать заявки философов с их тяжеловесной риторикой и размытостью исследовательского вопроса. В свою очередь, философов не устраивает в работах антропологов и историков излишняя описательность полученных данных и несвязность сделанных выводов с теоретическим языком.

При чтении книги складывается впечатление, что обсуждение заявок на экспертных панелях аналогично заседанию международной межправительственной организации, члены которой, преследуя собственные национальные интересы, вынуждены заключать временные союзы, формировать альянсы и идти на уступки ради одной цели: достигнуть, пусть и временного, но консенсуса. Справедливость оценивания не универсальная величина, поэтому каждый раз устанавливается заново в процессе обсуждения новой заявки. Несмотря на то, что фонды предлагают своим экспертам набор формальных критериев оценивания, на самом деле решение поддержать заявку формулируются через конфигурацию эпистемологических и дисциплинарных предпочтений, идиосинкразией к социально-политическим событиям. Собственно, именно это смещение появляется перед наблюдателем в тот момент, когда он решится открыть «черный ящик» системы peer-review научных фондов США.

Книга Ламонт представляет собой попытку разобраться с одним из аспектов академического мира без свойственной многим исследователям культуры подозрения. Взглянуть, прежде всего, на систему peer-review не с точки зрения претензий

экспертов поддержать или забраковать заявку на получения гранта, а из перспективы того, что творится в головах ученых, когда они оценивают идеи коллег по цеху. Дополнив свои концептуальные схемы богатым эмпирическим материалом, автор предлагает новую картину организации научной жизни. Безусловно, в силу чувствительности для академического сообщества рассматриваемой темы, рецензируемая книга обладает большой ценностью для исследований механизмов производства научного знания.

Тем не менее нам бы хотелось сделать несколько критических замечаний. Американская система реер-ревью научных фондов, по мнению автора, является легитимной в силу того, что «многие представители академического мира воспринимают ее как само собой разумеющееся (take for granted)...» (Lamont, 2009: 242). Аргументы в поддержку утверждения приводятся из многочисленных цитат интервью с информантами. Опрошенные эксперты верят, что принадлежат к невидимой республике ученых, верят в неангажированность своих оценок и оценок коллег. Идеализация научного этоса для них не пустой звук. Вопросы начинают появляться, когда автор презентует свою интеракционистскую оптику: «этот подход находится в явном противоречии к доминирующему подходу в реер-ревью, с фокусом на абстрактных нормах науки <...> в частности, на нормах универсализма и незаинтересованности» (Lamont, 2009: 246). На наш взгляд, несколько противоречивым видится то, что Ламонт, предлагая уйти от нормативного подхода за счет интеракционизма, получает результаты, соответствующие заключениям Мертона.

Второй момент, на который хочется обратить внимание, это роль эмоционального компонента в процессе обсуждения заявок. Ламонт полагает, что эксперты испытывают настоящее удовольствие от возможности помочь заявителям начать или продолжить свои исследования, воплотить интересные идеи. Даже больше — одного общения с умным человеком во время заседания панели достаточно для того, чтобы эксперт испытал эмоциональную вовлеченность в происходящее. По сути, мы имеем дело с настоящим «академическим эффервесансом». Дискуссия о качестве заявки вызывает коллективное бурление, которое помогает «генерировать эмоциональную энергию, делающую предприятие реер-ревью более «сакральным» и легитимным» (Lamont, 2009: 156). Для национальных систем реер-ревью, основанных на принципах здоровой конкуренции и прозрачности (к каковым относится, по мнению автора, система США), это заключение, возможно, будет релевантным. Но применимо ли оно к системам, в которых «грантовая экономика» только формируется или реанимируется? Будет ли изменяться эмоциональное вовлечение экспертов в процесс оценивания, если учитывать финансирование их работы, престиж научного фонда, тематику обсуждаемой заявки? Насколько эмоциональный компонент способен преодолевать эпистемологические и дисциплинарные разногласия между экспертами? Как кажется, тезис об эмоциональной вовлеченности в происходящее приобрел большую силу, если бы в работе можно было найти частичные ответы на эти вопросы.

АЛЕКСАНДР П. НАЗАРЕНКО

аффилированный сотрудник
Центра социологических исследований РАНХиГС при Президенте РФ,
слушатель МВШСЭН